

(Лужиным, господином Быковым и др.) то же чувство, которое позднее исторгнет у А. Блока яростный вопль: «Отойди от меня, сатана, отойди от меня, буржуа!»

Анна Григорьевна, пометившая в своих биографических записях, что Карепин был «действительно дрянной человек», разумеется, воспроизводит точку зрения мужа. Однако нет никаких оснований не верить и свидетельству лично знавшего Карепина Андрея Михайловича: их опекун «был не просто добрым, но евангельски-добрым человеком». Надо признать, что, не имея особых причин верить в блестящее будущее одного из опекаемых им лиц, а именно инженер-подпоручика Достоевского, Карепин в меру своих сил заботится о его материальных интересах. И, когда эти усилия оказываются тщетными, выкладывает требуемую Достоевским сумму из собственного кармана.

...Жесточайшие, следующие один за другим приступы эпилепсии срывают П.А. Карепина в самом начале 1849 г. В январе 1850 г., известившись из газет о приговоре над Достоевским, он еще успеет высказать Андрею Михайловичу слова сочувствия и призыв уповать на милость царя: «терять надежду не должно». Вскоре 54-летний Карепин отойдет в мир иной, как бы завещав своему пребывающему на каторге «брату» собственную болезнь.

П.А. Карепин оставит после себя 28-летнюю вдову и малых детей, в том числе неизлечимо больную Елизавету – родственники будут называть ее «несчастливая идиотка». Впрочем, наследственность скажется и на остальных детях.

О дочери Марии известно лишь, что она была «со странностями»: неясно, правда – с какими. Других сведений почти не сохранилось. Родные Достоевского недоумевают, почему писатель жестоко мистифицировал ее мужа В.Х. Смирнова, публично обвиняя последнего в хроническом алкоголизме, которым тот, судя по всему, не страдал. Но, возможно, отгадка заключается в том, что автор «Преступления и наказания» подозревал Смирнова (как выясняется, еще одного кандидата «на Лужина») в корыстности, полагая, будто он «женится на Марии Петровне, польстившись на ее деньги». То есть приписывал Смирнову гипотетические пороки давно уже почившего Карепина-старшего.

О сыне, Александре Карепине, сохранились любопытнейшие подробности.

Конечно, Любовь Федоровна несколько горячится, когда утверждает, что доктор Карепин «был настолько глуп, что его глупость граничила с идиотизмом». Вряд ли можно столь безапелляционно характеризовать человека, обладавшего феноменальной «компьютерной» памятью и без усилий овладевавшего иностранными языками. С другой стороны, неостановимое многоговорение (независимо от заданной темы) и, словно бы по контрасту, радикальное заклеивание пластырем рта пациенту, всего лишь порезавшему губу, – все это, конечно, указывает на некоторую психическую аномалию.

Тепло относясь к племяннику, Достоевский тем не менее любит подшучивать над ним. Что едва не приводит к публичным скандалам. В его экспромтах, адресованных «Сане», как будто предвосхищена художественная методология обэриутов:

По дороге по железной
Шел племянник мой Карепин
Человек бесполезный
И собой великолепен!

Или:

Саня! Ваших всех хотений
Я пророчу вам успех!